

Вадим Абдрашитов переживает «Магнитные бури»

Аргументы и факты
- 2002 - 4 июля (№ 29)
- с. 15

ИМЯ известного кинорежиссера Вадима АБДРАШИТОВА на протяжении многих лет воспринимается и критиками, и зрителями в созвучии с именем киносценариста Александра Миндадзе. Редкий пример долгого и талантливого содружества. Вместе они сделали десять картин - «Парад планет», «Плюмбум», «Время танцора»... Сейчас Вадим Юсупович начинает делать одиннадцатую - «Магнитные бури».

- О ЧЕМ вам сегодня интересно снимать?

- Картина по сценарию Александра Миндадзе - это история из жизни провинциального города далеко от Москвы, где большой металлургический комбинат. Там происходят события, очень похожие на то, что творится в целом в стране. И на этом индустриальном фоне разворачивается история любви молодой пары. Современный, если хотите, вариант знаменитого фильма «Высота». После долгих мучительных проб (столько талантливых актеров пришлось после сложнейшего выбора «оторвать» от себя, от картины!) утверждены Максим Аверин и Виктория Толстогонова.

- У вас был такой долгий перерыв после «Время танцора»...

- Стоимость кинопроизводства растет, к сожалению, быстрее, чем деньги, выделяемые государст-

вом. А законов, поддерживающих и поощряющих спонсорство, тем более меценатство в кино, как не было, так и нет. Нашу новую картину взяло на себя Министерство культуры.

- Но такое государственное «спонсорство», вероятно, - редкий случай?

- Совсем нет. Другое дело, что совершенно не разработана в кино система госзаказа, где была бы четко определена государственная заинтересованность в том или ином кинопроекте.

- Вас не заботит, что вашу новую картину уже никогда не увидит такое количество зрителей, как в прошлом?

- Конечно, такой огромной аудитории кинозрителей у нас уже нет. И лишь разрабатывается идея некой государственной, федеральной системы кинопроката в сфере российского кино. Но, главное, насколько государство в принципе заинтересовано в том, чтобы не потерять такую доходную во всем мире отрасль, как кинематограф. Но при этом не потерять его как кинокультуру. На этот вопрос отвечать, согласитесь, не мне. Хотя практически все новые отечественные фильмы, в том числе и наши с Миндадзе, все равно доходят до зрителя, правда, не в киноварианте, а на телеэкранах и видеокассетах. Те, кому они интересны, имеют возможность их увидеть так или иначе.

- Вы думаете о том, для кого вы снимаете? Какой-то условный «портрет» своего зрителя представляете?

- Я понимаю, что сегодня зритель совсем иной, чем 10 - 20 лет назад. Особенно молодежь. Аудитория крайне дифференцирована. Но мы надеемся, что наша картина будет интересна многим российским зрителям. Потому что она об их жизни, а не о той, «столичной», которую всячески рекламирует телевидение, показывая столицу всей России лишь бесконечно развлекающей. Исключительно жующей, пьющей, гуляющей, криминальной. Не работающей, не думающей. А ведь в Москве тоже есть совершенно другая жизнь, другие люди. И они живут трудно, они думают, читают, ходят в театры, растят детей... И это что - не Москва? Не москвичи?

Мы же все живем в одной стране, в одном реальном времени и месте на Земле. Вот об этом мы и снимали, и снимаем наши картины, при всей условности некоторых из них. Наше кино часто называли «социальным». Но я не понимаю, что такое социальное кино. Вот, скажем, толстовское «Воскресение» - это что, социальное произведение? Или какое? Социально-нравственное? А «Преступление и наказание»? Это все - про жизнь и про человека. И нас с Миндадзе всегда интересовали конкретные люди в конкретных обстоятельствах. И место проживания,

и возраст неважны. Это раньше я думал, что возраст дает зрелость, мудрость. Ан нет.

- Да уж, особенно это заметно по поведению некоторых ваших коллег, затевающих с детским упорством какие-то безумные игры, разборки, склоки с дележом власти, зданий, союзов...

- Да не безумие это. Это отражение, проявление суицидного настроения всего нашего кинематографического сообщества, когда цельный, единый союз, по-видимому, уже никому не нужен... А разве в стране по-другому? Все то же самое. Суицидные настроения - это бывает и в жизни человека, и в жизни сообщества, это объективная вещь.

- Так и вы считаете, что не нужен союз?

- В такой форме, в какой он сегодня существует, разумеется, нет, потому что это форма смешная по меньшей мере. Поэтому молодежь сегодня не идет в союз - значит, завтра это тем более не будет нужно. Но во всем мире есть профессиональные сообщества творческих людей. Значит, и у нас союз все равно должен будет возродиться, но, наверное, в форме профсоюза, занимающегося защитой творческих, социальных интересов.

- Студенты вашей первой мастерской во ВГИКе уже на четвертом курсе. Вас это воспитательное занятие увлекло?

- Мне это интересно, потому что я общаюсь с талантливыми ребятами. Но, и вот это главное - чудовищный маразм на государственном уровне, когда людям, имеющим высшее образование, запрещено получать второе бесплатно. Раньше люди с высшим образованием, отработав диплом, могли поступать во ВГИК. Так, к слову, было и со мной после физтеха и работы на заводе. А сегодня мы теряем множество сложившихся одаренных людей, личностей, имеющих свой, человеческий, гражданский, социальный опыт жизни, что очень важно в профессии. Но у них нет средств, чтобы учиться во ВГИКе на коммерческой основе. И ты вынужден, видя, что перед тобой явно одаренный человек - личность, отодвигать его. И брать человека, только еще вступающего в жизнь. Для которого какой-то собственный, быть может, пока единственный душевный экзерсис, первый ученический опыт представляется событием вселенского масштаба.

И этим объясняется во многом некий инфантилизм современной режиссуры. И хотя руководство ВГИКа и других творческих вузов пытается это положение исправить, в правительстве, к сожалению, нас пока не слышат.

Марина МУРЗИНА
Фото Сергея ИВАНОВА